

Глава девятая, в которой раскрывается пагубность золотых пилюль, а мечта о бессмертии оказывается тщетой

На следующий день господин Шао отменил занятия, подарив Чжу-эру и Сююю долгожданную передышку: усадьба Линь готовилась принять высокочтимого даоса Ванчэня, прибывшего издалека. Юноши только успели позавтракать в кабинете, как слуга доложил о прибытии гостя. Линь Жухай лично встретил наставника Ванчэня и препроводил его в главный зал. Вслед за тем он послал известить Шао Инлиня, и тот не заставил себя ждать, явившись вместе с Су Цзэцзином.

Поскольку даос Ванчэнь, как и Цзэцзинь, принадлежал к Храму Чунсуй на горах Лофу и был учеником Истинного человека Гэ Фана, чужими они друг другу не были. Встретившись, названные братья обменялись теплыми приветствиями без лишних церемоний и заняли свои места.

В те времена среди ученых мужей было модно вести беседы о вере и даосском учении, и многие из них даже носили особый покрой даосского платья. Желая дать молодым людям возможность поучиться мудрости у истинного преемника Гэ Фана, Линь Жухай велел позвать Сююя и Цзя Чжу.

Когда юноши вошли в залу, хозяева и гости уже сидели строго по чину. Почтительно поклонившись собравшимся, Сююй и Чжу-эр заняли отведенные им места.

Су Цзэцзинь, облаченный в лунно-белый халат, казался истинным небожителем, парящим над мирской суетой. Как и подобало человеку, страдавшему от дневного света, лицо его скрывала тонкая шелковая кисея, спускавшаяся со шляпы-доули. Даос Ванчэнь, хоть и принадлежал к той же школе, являл собой разительный контраст: на нем было шелковое даосское одеяние цвета увядающей зелени, матерчатые туфли на плотной черной подошве и чистейшие белые чулки. Белоснежные волосы и длинная борода придавали ему вид почтенного мудреца, глубоко постигшего тайны Дао.

Не успели гости выпить по чашке чая, ведя неспешную беседу, как слуга доложил:

— Прибыл господин Цзин из поместья Нинго.

Услышав это, Цзя Чжу невольно удивился. Линь Жухай, будучи зятем Поместья Жунго, поддерживал с ними тесные связи, что было естественно. Но с обитателями поместья Нинго у них не водилось дружбы, если не считать дежурных поздравлений к праздникам. Зачем же господин Цзя Цзин пожаловал сюда столь внезапно?

Поразмыслив, Цзя Чжу всё понял.

Старший господин Цзя Цзин стоял во главе Поместья Нинго и был намного старше братьев Цзя Шэ и Цзя Чжэна. Хотя его сын Цзя Чжэнь уже обзавелся собственной семьей и даже

нянчил сына Цзя Жуна, самого старика всё сильнее одолевали помыслы об уходе от мирской суеты. В последнее время его увлечение перешло все границы: передав титул сыну, он окружил себя сомнительными даосами и только и делал, что рассуждал о канонах даосизма. Алчные шарлатаны, почуяв выгоду, принялись нашептывать ему сказки о чудодейственных эликсирах, дарующих вечную молодость и вознесение на небо. Поверив им, он установил в усадьбе плавильные печи и выделил огромные деньги на закупку редких ингредиентов, которые даосы беззастенчиво присваивали. Очевидно, прослышав, что в усадьбу Линь прибыл даос Ванчэнь, преемник великого Гэ Фана — чья школа славилась искусством алхимии по трактату «Баопу-цзы», — тот поспешил сюда в надежде вывести рецепт заветной золотой пилюли.

Линь Жухай, хоть и растерялся от такого визита, поспешил навстречу гостю. Сююй и Цзя Чжу последовали за ним. Обменявшись приветствиями, юноша от лица родни из поместья Жунго справился о здоровье старших в Поместье Нинго, после чего все вернулись в зал и сели.

До прихода Цзя Цзина Линь Жухай расспрашивал даоса Ванчэня о секретах долголетия, а Шао Инлинь обсуждал с ним учение об Инь и Ян. Теперь же, под пристальным взглядом новоприбывшего, все притихли. Цзэцзинь, не любивший пустых разговоров, хранил молчание; Инлинь лишь загадочно улыбался, предпочитая оставаться сторонним наблюдателем.

Цзя Цзин начал издали: принялся велеречиво восхвалять процветание Храма Чунсюй, сокрушаясь, что государственные дела не позволяют ему покинуть столицу и совершить паломничество к святым местам. Затем он заговорил о вознесении великого мастера Гэ и, наконец, перешел к делу:

— Скажите, наставник, правда ли то, что написано в трактате «Баопу-цзы» о золотой пилюле, дарующей бессмертие? Действительно ли возможно человеку воспарить к небесам?

Даос Ванчэнь ответил прямо и без прикрас:

— Наш великий предок Гэ Хун действительно достиг невероятных высот в искусстве алхимии и оставил грядущим поколениям свои труды. Однако мы, его скромные преемники, давно утратили секрет снадобья, дарующего вечную жизнь. Ныне мы изучаем лишь его медицинские труды и рецепты целебных снадобий. Если мы и плавим металлы, то лишь для создания мазей наружного применения, таких как свинцовый глет или ртутная притирка трех святых.

Услышав это, Цзя Цзин помрачнел от разочарования. Он хотел было расспросить даоса подробнее, но в этот момент слуга внес письмо:

— Наставник Ванчэнь, посыльный из Храма Юаньтун просит передать вам это послание.

Даос поспешно вскрыл конверт. Настоятель Храма Юаньтун молил его о помощи.

Дело касалось храма Сюаньчжэнь — того самого, где впоследствии Цзя Цзин собирался

предаться отшельничеству. Месяц назад там появился странствующий даос, именовавший себя Сюаньсюем. Он утверждал, что является прямым потомком Чжэн Иня, ученика самого Гэ Хуна, и владеет искусством превращения угля в золото. В доказательство своих слов он бросил в плавильную печь несколько кусков черного угля, совершил над ними некие таинственные пассы, и — о чудо! — среди пепла даосы действительно обнаружили золотые крупички. Потрясенные монахи сочли его сошедшим на землю небожителем.

Воспользовавшись их благоговением, Сюаньсюй объявил, что может изготовить ту самую золотую пилюлю бессмертия, которая возвращает старикам юность, исцеляет любые хвори и за сто дней возносит человека на небо. Однако для этого требовались редкие и баснословно дорогие ингредиенты: киноварь, мышьяк, сера, медный купорос, ртуть и особые священные амулеты. На закупку всего необходимого он потребовал пять тысяч лянов серебра.

Ослепленные жадой чуда монахи беспрекословно отдали ему деньги. Вернувшись с припасами, Сюаньсюй заперся в алхимической лаборатории, строго-настрого запретив кому-либо входить.

Спустя двадцать дней он вышел, объявив, что великое снадобье готово. Раздав пилюли жаждущим монахам, мошенник поспешно скрылся. Несчастные без колебаний приняли «лекарство», но уже через несколько часов все до единого замертво рухнули на пол. Когда спохватились и бросились искать лже-даоса, его и след простыл. Настоятель Храма Юаньтун, знавший о дружбе Ванчэня и Шао Инлиня, поспешил известить гостившего в столице мастера, поскольку самозванец прикрывался именем школы Гэ.

Прочитав письмо, даос Ванчэнь пришел в ярость. Он побледнел от гнева:

— Каков подлец! Мало того, что этот негодяй порочит имя нашего великого предка, так еще и погубил столько невинных душ! Этого нельзя так оставить!

Наспех попрощавшись с Линь Жухаем, он поспешил за город, в храм Сюаньчжэнь. Су Цзэцин, понимая, что дело затрагивает честь их ордена, невзирая на дневной зной, отправился вместе с ним.

Услышав эту жуткую историю, Цзя Цзин почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Лишь недавно этот самый Сюаньсюй обивал пороги поместья Нинго, навязчиво предлагая свои чудодейственные эликсиры. Хотя старик и не решился сразу испробовать его искусство, он всё же щедро одарил прохиндея серебром «на нужды храма».

Наблюдавший за ним Цзя Чжу сразу заметил перемену в лице родственника. В его голове мгновенно созрел план.

«Сам бог посылает мне эту возможность! — подумал он. — Пора раз и навсегда излечить дядюшку от безумной погони за бессмертием».

В этот момент слуга доложил, что из поместья Жунго прибыл кучер Чжэн Вэнь. Узнав, что сегодня у юношей нет занятий, матушка Цзя велела привезти их домой отдохнуть.

Цзя Чжу подозвал Чжэн Вэня и велел ему подождать, а сам повернулся к Цзя Цзину:

— Дядюшка, не считите за дерзость, но не могли бы мы с Сюем поехать в храм Сюаньчжэнь вместе с вами? Этот храм издавна пользуется покровительством нашей семьи, и раз там стряслась такая беда, нам негоже оставаться в стороне. Позвольте нам сопровождать вас.

Цзя Цзин, терзаемый смутными сомнениями и тревогой за собственные деньги, не мог отказать племяннику. К тому же ему самому хотелось во всём разобраться. Он кивнул в знак согласия.

Перед отъездом Цзя Чжу почтительно обратился к Шао Инлиню:

— Не беспокойтесь, учитель. Я прослежу, чтобы ваш сын вернулся домой вовремя.

Перед отъездом Линь Жухай строго наказал сыну быть осторожным и велел слугам Иньши и Юнфу сопровождать молодого господина. Линь Шицзянь, младший сын управляющего, оседлал верховую лошадь, чтобы ехать следом. Чжэн Вэнь правил повозкой, а паж Жуньби с веером устроился на запятках. Вся кавалькада во главе с каретой Цзя Цзина устремилась за городские ворота, к храму Сюаньчжэнь.

Когда они прибыли на место, Храм Сюаньчжэнь уже оцепили стражники. На каменных плитах перед воротами лежали тела несчастных монахов, укрытые рогожей. Прибывший из управы судебный лекарь как раз осматривал трупы. Ванчэнь и Су Цзэцзинь были тут же.

Даос Ванчэнь держал в руках кусок того самого «угля», который Сюаньсюй выдавал за чудодейственный камень.

— Какое вздорное суеверие! — сурово молвил даос. — Разве бывает на свете магия, способная превратить железо в золото? Это лишь грязный трюк бродячих фокусников. Подлец смешал золотые крупички с угольной пылью и слепил их в комки. Стоило бросить такой «уголь» в печь, как он сгорел, а расплавленный благородный металл оседал на самом дне.

Затем он брезгливо указал на черные, спекшиеся крупички, оставшиеся от «золотых пилюль»:

— А это... это просто ядовитый шлак, запекшаяся смесь ртути и мышьяка! Как можно было назвать этот яд священным снадобьем нашего предка Гэ?!

Цзя Чжу, стоявший рядом, содрогнулся. «Надо же, — подумал он, — ради призрачного бессмертия люди готовы глотать откровенную отраву. Будь я на их месте, ни за что бы не прикоснулся к этой гадости».

Тем временем Цзя Цзин, жадно ловивший каждое слово даоса, подошел к одному из тел и нерешительно приподнял рогожу. Взглянув на покойника, он отпрянул, побелев как полотно. Живот мертвеца вздулся и затвердел, словно чугунный, а посиневшие губы покрылись глубокими багровыми трещинами. Зрелище было столь омерзительным и страшным, что у старика перехватило дыхание. Холодный пот градом покатился по его лицу. Цзя Цзин осознал: не прояви он тогда осторожность, сейчас его безжизненное тело точно так же лежало бы на этих грязных плитах с разорванными внутренностями.

С трудом подавив тошноту, Цзя Цзин выпрямился и дрожащим голосом спросил Ванчэня:

— Наставник... Если этот негодяй подсунул яд, то скажите пред лицом Небес: существует ли истинное золотое снадобье? Неужели в писаниях вашего великого предка нет ни слова о подлинном пути к бессмертию?

Вместо старшего брата ответил Су Цзэцзинь, чей тихий, холодный голос прозвучал из-под вуали с абсолютной ясностью:

— За тридцать лет моей жизни я не видел ни одного человека и не слышал ни об одном из нашей школы, кто смог бы обрести бессмертие после ухода основателя Гэ Хуна.

Даос Ванчэнь со вздохом подтвердил его слова:

— Да, это правда. Сколько бы наши братья ни бились над трактатом «Баопу-цзы», никому так и не удалось воссоздать рецепт истинной пилюли. Всё, что мы умеем сегодня — это готовить снадобья для укрепления духа и исцеления недугов. Хотите продлить свои дни на земле — изучайте врачевание. Лишь исцеляя болезни и укрепляя тело, можно надеяться на долголетие. О вечной же жизни глупо и помышлять.

Эти слова окончательно сокрушили былые иллюзии Цзя Цзина. Он понял, что все его многолетние поиски были лишь гонением за ветром, а чудодейственные пилюли — верной дорогой в могилу.

Пока наставник Ванчэнь обсуждал с настоятелем и Цзя Цзином, как составить бумагу в Управление по делам даосизма для поимки беглого самозванца, Цзя Чжу заметил, что у ворот снова суетится Чжэн Вэнь. Юноша подошел узнать, в чём дело, и тот передал, что из поместья Жунго прислали еще одного гонца с приказом немедленно возвращать молодых господ.

Цзя Чжу быстро увлек за собой Сююя. Попрощавшись с Цзя Цзином и даосами, он шепнул Су Цзэцзиню, что Инлинь ждет его в усадьбе Линь, после чего юноши поспешно сели в повозку и покатали в город.

Поняв, что более делать здесь нечего, Цзя Цзин тоже велел подавать экипаж и с тяжелым сердцем отправился обратно в поместье Нинго.

<http://bllate.org/book/18221/1752529>